

Теоретико-методологическая ситуация в исторической науке и некоторые тенденции развития мировоззренческого направления в современной номадологии**П.К. Дашковский¹*¹ Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)**Theoretical and Methodological Situation in History Studies and Some Tendencies in World Outlook Approach Development in Modern Nomad Studies***P.K. Dashkovskiy¹*¹ Altai State University (Barnaul, Russia)

На современном этапе развития отечественной номадологии изучение мировоззрения кочевых обществ становится одним из важнейших направлений, становление которого началось еще в конце XIX – начале XX в. Важный импульс дальнейшему изучению религиозно-мифологических систем был задан распространением в нашей стране структурно-семиотического подхода, который позволил представить достаточно полную реконструкцию мировоззрения кочевых народов Евразии скифо-сакского периода. В изучении религий средневековых номадов по-прежнему сохраняют лидирующие позиции историко-этнографический подход, позволяющий в большей степени проследить историческую изменчивость мировоззрения номадов. Интеграция археологии с естественно-научными дисциплинами в рамках междисциплинарных исследований открыла новые возможности для изучения мировосприятия кочевых народов. Реализация такого подхода наиболее успешно была продемонстрирована в рамках комплексного междисциплинарного изучения и интерпретации материалов из курганов пазырыкской культуры. На современном этапе мировоззренческое направление ориентировано на комплексное междисциплинарное изучение широкого круга источников в рамках структурно-системного подхода, а также привлечение положений других методологических парадигм, позволяющих рассматривать проблематику в разной исследовательской плоскости.

Ключевые слова: историография, методология, методика, археология, номадология, мировоззрение, кочевники.

DOI 10.14258/izvasu(2014)4.1-12

At the present stage of development of domestic nomad studies, examination of nomadic communities' outlook is becoming one of the major approaches that began taking shape at the end of the XIX – the beginning of the XX centuries. Further study of religious-mythological systems was promoted by the structural-semiotics approach which allowed to present full reconstruction of nomadic people's outlook of Eurasia in the Scythian-Saka period. The historic and ethnographic approach in the analysis of medieval nomads' religions still keeps the lead positions; this approach, unlike structural-semiotics studies, to a greater degree allows to trace historical variability of nomads' outlook. Integration of archeology and natural sciences in interdisciplinary approach opened new possibilities for studying nomadic peoples' world outlook. Realization of this approach was most successfully shown within the limits of complex interdisciplinary studies and interpretation of materials from Pazyryk culture barrows. At the present stage the world outlook studies is focused on complex interdisciplinary research into a wide range of sources within the limits of the structural-system approach, as well as on involvement of positions of other methodological paradigms which allow to consider the range of problems from different research angles.

Key words: historiography, methodology, procedure, archeology, nomad studies, world outlook, nomads.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №13-21-03001a/G, тема «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии»).

Проблематика, связанная с изучением мировоззрения кочевых народов Евразии, стала обозначаться фактически сразу по мере оформления нomaдологии как научного направления со второй половины XIX – начала XX в. Именно с этого периода начинается целенаправленное научное изучение кочевых народов Центральной Азии. Во многом благодаря становлению тюркологии ученые заинтересовались этнокультурными, социальными процессами, протекавшими в этом регионе в древности и Средневековье. Перевод разнообразных письменных источников, в том числе и тюркских рунических текстов, археологические и этнографические исследования не могли не сказаться и на постановке вопроса о духовной культуре номадов, а также их верований и обрядов, что нашло определенное отражение в научном творчестве В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, Н.И. Веселовского, П.А. Полякова, Н.И. Заседателя, Н.М. Ядринцева, Д.А. Клеменца; А.В. Адрианова, Н.Ф. Катанова, И.Р. Аспелина и др. Обзор работ данных исследователей был опубликован автором ранее [1]. Не менее важное значение на формирование интереса к реконструкции религиозно-мифологических представлений кочевых народов оказало и становление скифологии. Во многом благодаря работам М.И. Ростовцева [2; 3] был фактически концептуально поставлен вопрос о религиозных верованиях номадов поздней древности (скифо-сарматский период), не обладавших своей письменной культурой. Таким образом, уже в конце XIX – начале XX в. в рамках кочевниковедческих исследований стала формироваться мировоззренческая проблематика. При этом обозначились две основные области исследования, которые будут сохранять свое лидирующее положение и в последующие периоды отечественной науки: изучение религиозно-мифологических воззрений кочевых народов Евразии скифо-сакского периода и мировоззрения центрально-азиатских номадов древности и Средневековья. Конечно, кроме данных направлений, будут в той или иной степени рассматриваться вопросы религиозно-мифологических систем других кочевых народов, но именно обозначенные области будут выступать в определенной степени эталоном для всех других мировоззренческих реконструкций. В данной статье автором предпринята попытка продемонстрировать влияние методологических и методических течений отечественной и зарубежной науки на развитие мировоззренческого направления в нomaдологии на современном этапе.

1990-е гг. оказались сложным периодом в развитии кочевниковедения как науки в целом в России и бывших республиках Советского Союза. С одной стороны, рушились налаженные научные связи внутри СССР, проводилось сокращение научных сотрудников, реорганизация или закрытие научно-иссле-

довательских институтов. Тяжелая экономическая, а постепенно и кадровая ситуация в стране привела к значительному сокращению масштабов археологических и этнографических исследований фактически до конца 1990-х гг. Это обстоятельство стимулировало ученых заняться более детальным анализом ранее полученных материалов и их публикацией. С другой стороны, смена политического курса на первый взгляд открывала широкие возможности для новых методологических и методических подходов изучения кочевых культур, часть из которых была разработана в зарубежной науке. Сложившийся еще в 1980-е гг. определенный методологический плюрализм позволял по-новому рассматривать ранее не совсем «популярные» научные темы, в том числе касающиеся изучения архаичных верований и обрядов. В этот период наблюдается утрата марксистским учением статуса «единственной верной» системы общественных и научных взглядов, а формационная теория перестает быть базовой основой исторических исследований. Претерпевшая многочисленные ревизии формационно-стадиальная концепция остается и сегодня важнейшим источником инновационных разработок и интерпретаций исторических процессов, сосуществуя при этом с другими историко-методологическими подходами [4]. Тем самым идеологический барьер, который долгое время разделял отечественную и зарубежные историко-научные школы, в конечном итоге был преодолен. По существу 1990-е гг. стали временем окончательной интеграции отечественной исторической науки в мировую науку (спектр взаимодействия включает круглые столы, конференции и симпозиумы, стажировки, гранты, совместные исследования, публикации и т.д.). Для российской нomaдологии, как и для других сфер отечественной исторической науки, это означало развитие в русле тех идейных и методологических тенденций, которые господствовали в мировом научном сообществе в последней трети XX в. [5–13].

В этой связи отметим, что в русле синтеза истории с этнологией, антропологией, психологией и другими дисциплинами в 1980–1990-х гг. происходило дальнейшее развитие так называемой новой социальной истории, включавшей широкий спектр направлений (от истории ментальностей и историко-антропологических изысканий до микроистории и истории повседневности). Получает распространение мир-системный подход. Популярность и значительные результаты развития историко-антропологического направления привели к тому, что постепенно стали появляться публикации, посвященные изучению отдельных аспектов менталитета (ментальности) древних и средневековых народов [14; 15], в том числе кочевых [16; 17; 18, с. 280–284]. В последнем случае особенно показателен опыт постановки проблемы изучения менталитета средневековых тюрков [16]. В то же время многие вопросы методологического и методического

характера по данной проблематике остаются дискуссионными до настоящего времени.

Следует сказать, что под влиянием постмодернизма одной из важнейших тенденций последних десятилетий в развитии историко-антропологического направления стал переход от масштабных срезов ментальности и обобщенных картин «исторической социальности» (семья, корпорация (община, цех, монастырь), город, сословие и пр.) к изучению индивидуальных проявлений ментальности и отдельных исторических казусов. В целом наметилось преобладание микроисторических исследований над воссозданием и «конструированием» исторических процессов и структур [11; 12].

Однако несмотря на активные методологические поиски, нельзя сказать, что ситуация в мировой исторической науке, переживающей в последние десятилетия кризис собственной идентификации, была однозначной. С одной стороны, постмодернистская историография и исследования в духе постпроцессуальной археологии в своих наиболее радикальных формах исключали какое-либо следование мировоззренческим и социальным теориям. С другой стороны, параллельно с этим в 1970–1990-х гг. наблюдается рост интереса ученых к различным аспектам религиозной и социально-политической эволюции, развитие новых историко-методологических направлений на основе междисциплинарного синтеза, появление целого ряда оригинальных концепций, по-разному «конструирующих» образы прошлого, факторы и пути социальной, потестарно-политической и религиозно-мифологической динамики.

Необходимо отметить, что открывшийся со второй половины 1980-х гг. методологический и историографический плюрализм в гуманитарном знании имел не только позитивные, но и некоторые негативные последствия. В частности, исследователи отмечают, что иногда знакомство с западной научной мыслью приводило к механической эклектике концепций и методов, использованию взаимоисключающих подходов, что, безусловно, сказывалось на объективности исторических исследований [13, с. 11–13; 19–21]. Такая ситуация отчасти коснулась не только истории в целом, но и нomaдологии. Однако особенностью кочевнико-ведческих исследований всегда являлась широкая источниковая база, которая с каждым десятилетием расширялась в источниковедческом (перевод и изучение китайских, арабских, византийских и других источников), этнографическом, эпиграфическом и археологическом направлениях. Продолжается этот процесс и в настоящее время, особенно в отношении расширения археологических исследований. Специфика же археологических изысканий требует скрупулезного анализа артефактов, которые порой трудно просто атрибутировать и датировать, не говоря уже о том, чтобы слепо вписать их в какую-либо социокультур-

ную теорию. В этой ситуации нomaдологии в целом удалось избежать стремления необоснованно применить «модные» зарубежные концепции при освещении истории нomaдизма.

Важно также подчеркнуть, что наиболее серьезно методологические новации коснулись социально-политического изучения нomaдов, что рассмотрено подробно в отдельном исследовании [4]. Что касается мировоззренческих реконструкций, то они происходили преимущественно в рамках методологических и методических позиций, выработанных или заимствованных из зарубежных школ в предшествующие периоды. Во-первых, дальнейшее распространение получает традиционный подход, основанный на сопоставлении различных письменных, археологических и этнографических источников [22]. Это направление в наибольшей степени реализовано при изучении мировоззрения средневековых кочевников, особенно тюрок, уйгуров, кыргызов, что нашло отражения в работах Д.Г. Савинова [23; 24], Г.В. Длужневской [25], С.Г. Кляшторного [26], И.В. Стеблевой [27], Л.П. Потапова [28] и многих других ученых.

Во-вторых, широкое применение находит структурно-семиотический подход [29]. Именно новая методология, допущенная легально властью в 1960–1980-е гг., открыла широкие перспективы для мировоззренческих реконструкций. В области нomaдологии распространение структурно-семиотического подхода в изучении религии и мифологии во многом связано с деятельностью выдающихся отечественных ученых Д.С. Раевского [30; 31] и Е.Е. Кузьминой [32]. Благодаря их исследованиям впервые удалось обозначить возможность и продемонстрировать конкретные результаты изучения мировоззрения нomaдов скифо-сакского периода на основе анализа вещественных источников. Несмотря на успехи нового подхода обозначились и его определенные слабые стороны, которые проявлялись при изучении древней мифологии, отраженной в различных знаковых системах. Среди критических замечаний в адрес структурализма можно назвать такие, как повышенное внимание к синтаксису и в меньшей степени к семантике явления [33], наличие бинарных оппозиций не только в мифе, как настаивали структуралисты, но и в разных фольклорных жанрах – сказка, пословица, загадка, проклятие [34, с. 116], слабое отражение динамики исторического процесса, поскольку любая структура представляется достаточно статично [35, с. 221–243], и др. Последнее обстоятельство фактически исключало возможность проследить изменения в религиозно-мифологической системе у какого-либо народа, существовавшего в течение длительного исторического периода.

Однако несмотря на определенные недостатки, тем не менее структурно-семиотическое направление стало лидирующим в изучении религиозно-мифоло-

гических верований кочевых народов степной половины Евразии в скифскую эпоху (см. обзор: [29]). Более того, постепенно область применения такого подхода существенно расширилась за рамки истории номадизма и стала охватывать более ранние периоды – эпоху палеометалла и неолита [36–41]. В целом, можно констатировать, что именно в последней четверти XX – начале XXI в. происходит во многом благодаря распространению структурно-семиотического подхода оформление мировоззренческого направления в кочевниковедческих исследованиях. Кроме указанных ученых в скифо-сакской номадологии данную методологию использовали А.К. Акишев [42], В.Н. Саенко [43; 44], В.С. Ольховский [45], А.С. Суразаков [46], В.Д. Кубарев [47], П.К. Дашковский, А.А. Тишкин [18], Д.В. Черемисин [48] и другие исследователи. В определенной степени структурно-семиотическое направление было представлено и при изучении религиозных систем средневековых номадов, что нашло отражение сначала в работах И.В. Стеблевой [49], а затем В.В. Войтова [50], В.Е. Флеровой [51] и некоторых других ученых. Однако степень распространения структурно-семиотического направления в средневековой номадологии значительно меньше, чем в скифо-сакской. Это во многом объясняется наличием большего количества письменных и этнографических источников по народам Евразии эпохи Средневековья, что обуславливает, как отмечено выше, возможность широкого применения историко-этнографического подхода.

В начале XXI в. развернулась дискуссия относительно возможности привлечения в археологию разработок аналитической психологии, связанных с изучением языка символов, через анализ искусства и погребального обряда номадов [18; 52–61; 62, с. 10]. В этой связи поднимается целый спектр проблем, связанных с интерпретацией категорий «универсалия», «архетип», «мифологема» [54; 63–69]. Не останавливаясь на содержательной стороне дискуссии, отметим только то, что большинство исследователей все-таки склоняются к позиции существования определенных мифологических констант, проявления которых в различных вариативных формах можно обнаружить в мифологиях разных народов. Заслуживают также внимания попытки некоторых исследователей обозначить герменевтическое направление в археологии, связанное с пониманием и интерпретацией сакральных артефактов [70]. Однако, к сожалению, за исключением краткого упоминания о возможности таких изысканий, дальнейших исследований в этом направлении пока не последовало.

Нужно особо отметить, что, несмотря на серьезные политические и социально-экономические проблемы в Российской Федерации в 1990-е гг., тем не менее ученым удалось реализовать ряд крупных на-

учных проектов по изучению памятников кочевников в Центральной Азии. Одним из таких успешных проектов явились исследования на плато Укок в Горном Алтае. Приоритетным направлением в данном случае было изучение пазырыкских памятников, которые благодаря уникальным находкам существенно расширили представления ученых о кочевой культуре скифской эпохи. Кроме того, междисциплинарный подход к изучению полученных материалов позволил сделать определенные выводы о мировоззренческом и социальном развитии номадов [71–75]. Отработанный на материалах пазырыкской культуры мультидисциплинарный подход постепенно становится востребованным и при изучении других кочевых народов.

Таким образом, в современной российской номадологии в 1990-е – начале 2000-х гг., несмотря на определенные социально-экономические трудности переходного периода, сложились благоприятные методологические, источниковедческие, организационные предпосылки для развития мировоззренческого направления в номадологии. Важным показателем развития мировоззренческой археологии в кочевниковедении, как и в предшествующий период, стало проведение тематических конференций, семинаров, круглых столов и издание соответствующих сборников научных трудов. Основное содержание предметного поля мировоззренческого направления включает в себя реконструкцию религиозно-мифологических представлений, обрядов, обычаев, а также социальные воззрения, прежде всего на природу и характер сакрализации власти в кочевых социумах. В теоретико-методологическом аспекте перспективным представляется развитие данного направления в рамках структурно-системного подхода, основанного на диалектических принципах взаимосвязи части и целого, а также взаимосвязи частей в целом, при анализе объектов как систем. Этот подход включает в круг своего рассмотрения все приемы и методы, теоретические модели, так или иначе касающиеся межэлементарных и внешних системных отношений и оценивающие их в количественных и качественных показателях [76, с. 21–22]. В рамках такого подхода кочевое общество выступает как целостная структура, важнейшими составными частями которой являлись мировоззрение, социально-экономические отношения, политическая организация номадов. В этой связи изменения в одной сфере могут привести к развитию соответствующих элементов в другой. В методическом отношении изучение мировоззрения номадов должно выстраиваться в рамках комплексного междисциплинарного подхода с привлечением широкого спектра источников и данных как гуманитарных, так и естественных наук. При этом нужно учитывать, что выбор конкретной исследовательской стратегии во многом обусловлен характером источниковой базы (степенью разнообразия, информативности источников, временной удаленностью изучаемого явления и др.) и конкретными научными задачами.

Именно это обстоятельство не позволяет провозглашать какой-либо один из подходов (структурно-семиотический, историко-этнографический, «традиционный», основанный на сопоставлении различных источников, и др.) приоритетным или наиболее значимым. Более того, разнообразные исследовательские стратегии в известной степени могут не исключать, а дополнять друг друга, что позволит наиболее полно и многогранно рассмотреть особенности мировоззрения кочевников. В целом, мировоззренческое

направление в номунологии развивается в русле тех же тенденций междисциплинарных исследований, которые характерны для современной исторической науки. При этом в кочевниковедении, в отличие от классической истории, в методическом отношении наблюдается активное привлечение данных и методов не только гуманитарных, но и естественных наук. Это обстоятельство не только расширяет исследовательские возможности, но и делает более верифицируемыми полученные выводы.

Библиографический список

1. Дашковский П.К. Накопление источников и начальный этап изучения духовной культуры кочевников Центральной Азии эпохи средневековья // Теоретические и прикладные исследования в религиоведении. – Вып. 1–2. – Барнаул, 2009.
2. Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. – Пг., 1918.
3. Ростовцев М.И. Глава V. Государство, религия и культура скифов и сарматов // Вестник древней истории (ВДИ). – 1989. – №1.
4. Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные концепции). – Барнаул, 2009.
5. Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история (ННИ). – 1995. – №1.
6. Проблемы методологии истории : круглый стол // ННИ. – 1996. – №6.
7. Сахаров А.Н. О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы // История и историки: историографический вестник. – М., 2002.
8. Ерохин В.Н. К вопросу о методологической ситуации в современной отечественной исторической науке // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия. – Тюмень, 2000.
9. Поршнева О.С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. – Екатеринбург, 2005.
10. Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории (ВИ). – 2005. – №7.
11. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Вып. III: Историографическая революция. – Томск, 2008.
12. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. – Томск, 2002.
13. Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. – Томск, 2005.
14. Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока. – СПб., 1998.
15. Усманова Э.Р. О менталитете «федоровцев» и «алакульцев» в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Культуры древних народов степной Евразии и феномен протгородской цивилизации Южного Урала. – Челябинск, 1995.
16. Шарипов Р.Г. Менталитет древних тюрок. – Уфа, 2001.
17. Дашковский П.К. К вопросу об изучении ментальности кочевников Центральной Азии // Интеграция археологических и этнографических исследований – X Международный семинар, посвященный 290-летию со дня рождения С.П. Крашенинникова. – Омск ; Ханты-Мансийск, 2002.
18. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул, 2003.
19. Селунская Н.Б. Методологическое знание и профессионализм историка // ННИ. – 2004. – №4.
20. Богатуров А.Д. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. – 2000. – Т. 5, №1.
21. Согрин В.В. 1985–2005 гг.: перипетии историографического плюрализма // Общественные науки и современность. – 2005. – №1.
22. Важинский О.А. Проблема реконструкции религиозно-мифологических представлений аборигенового населения Сибири в отечественной литературе по данным археологии и смежных наук // Россия и Восток: археология и этническая история. – Омск, 1997.
23. Савинов Д.Г. О времени появления персонифицированного шаманства в Южной Сибири // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции. – Якутск, 1992.
24. Савинов Д.Г. Тема «перехода» из мира живых в мир мертвых в древнетюркских рунических текстах // Жизнь. Смерть. Бессмертие. – СПб., 1993.
25. Длужневская Г.В. Погребально-поминальная обрядность енисейских кыргызов в свете этнографических данных // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Серия историческая. Вып. XVIII. – Кызыл, 1995.

26. Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб., 2003.
27. Стеблева И.В. Жизнь и литература доисламских тюрков. Историко-культурный контекст древнетюркской литературы. – М., 2007.
28. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л., 1991.
29. Дашковский П.К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследователи). – Барнаул, 2011.
30. Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. – М., 1977.
31. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. – М., 1985.
32. Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев. – М., 2002.
33. Хьюбнер К. Истина мифа. – М., 1996.
34. Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ. – М., 2003.
35. Парэн Ш. Структурализм и история // Философия и общество. – 1998. – №2.
36. Усманова Э.Р. Погребальный обряд как знаковая система (на примере памятников федоровской культуры Центрального Казахстана) // Проблемы археологии степной Евразии. – Ч. 1. – Кемерово, 1987.
37. Усманова Э.Р. «Круг» и «квадрат» в андроновской погребальной символике. По материалам могильников Центрального Казахстана // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1989.
38. Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский-I: факты и параллели. – Караганда ; Лисаковск, 2005.
39. Жамбалтарова Е.Д. Погребальные обряды населения Забайкалья в эпоху неолита – раннего бронзового века (опыт семантического исследования) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2005.
40. Леонтьев Н.В., Капелька В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан, 2006.
41. Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура : труды музея археологии и этнографии Сибири. – Томск, 2009. – Т. II.
42. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата, 1984.
43. Саенко В.Н. Космологический аспект погребально-обрядов // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. – Липецк, 1992.
44. Саенко В.Н. Скифский курган как семиотическая система // Проблемы скифо-сакской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1994.
45. Ольховский В.С. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М., 1999.
46. Суразаков А.С. К вопросу о семантике некоторых образов пазырыкского искусства // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1986.
47. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск, 1991.
48. Черемисин Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: семантика звериных образов в контексте погребального обряда. – Новосибирск, 2008.
49. Черемисин Д.В. О семантике орнитоморфных персонажей звериного стиля в ритуальной атрибутике пазырыкских курганов // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2009. – №1.
50. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М., 1996.
51. Флерова В.Е. Образы и сюжеты Хазарии. – М., 2001.
52. Маточкин Е.Н. Архетипические образы в скифском искусстве Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999.
53. Раевский Д.С. Мифологические универсалии как инструмент интерпретации изобразительных памятников // Первобытное искусство. – Кемерово, 1998.
54. Раевский Д.С. Некоторые замечания об интерпретации изобразительных памятников // Первобытное искусство : материалы конференции. – Кемерово, 1999.
55. Раевский Д.С. Скифский звериный стиль: поэтика и прагматика // Древние цивилизации Евразии: история и культура. – М., 2001.
56. Семенова В.И. К вопросу о категориях «универсалия» и «архетип» (археология и культурология) // Археологические материалы и исследования древности и средневековья. – Томск, 2007.
57. Семенова В.И. Погребально-поминальный обрядность в структурно-семиотическом аспекте // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург ; Сургут, 2007.
58. Балакин Ю.В. О возможности применения теории архетипов в археологии // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории : материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск, 2001.
59. Рындина О.М. Архетип, культура и образ женщины // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории : материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск, 2001.
60. Черносветов П.Ю. Доминирующие архетипы как фактор, определяющий облик культуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории : материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск, 2001.
61. Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д. Архетипы в первобытной культуре (дихотомия сознания в материалах раннего неолита Забайкалья) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 3. Парадоксы археологии. – Новосибирск, 2004.
62. Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск, 2006.

63. Ойзерман Т.И. Существуют ли универсалии в сфере культуры? // Вопросы философии (ВФ). – 1989. – №2.
64. Березкин Ю.Е. Об универсалиях в мифологии // Теория и методология архаики: I. Стратиграфия культуры; II. Что такое архаика : материалы теоретического семинара. – СПб., 2003.
65. Универсалии восточных культур. – М., 2001.
66. Степин В.С. Мирозренческие универсалии как основание культуры // Универсалии восточных культур. – М., 2001.
67. Исупов К.Г. Сакральная интерпретация универсалий культуры и цивилизации (в стилистике словарных дефиниций) // Сакральное в истории культуры. – СПб., 1997.
68. Топоров В.Н. Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. – М., 2010. – Т. I.
69. Топоров В.Н. Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. – М., 2010. – Т. II.
70. Шерстобитова О.С. О возможности применения герменевтики в археологии // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 2004.
71. Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск, 1994.
72. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск, 2001.
73. Феномен алтайских мумий. – Новосибирск, 2000.
74. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск, 2003.
75. Дашковский П.К. Комплексный поход в реконструкции системы мировоззрений кочевников Горного Алтая скифской эпохи // XII Международный семинар «Интеграция археологических и этнографических источников». – Омск, 2004.
76. Синельников Б.М., Горшков В.А., Свечников В.П. Системный подход в научном познании. – М., 1999.